

Цзян Шоуянь молчал. Мозг тупо пережёвывал слово «истязает», смысл которого Цзян Шоуянь не совсем понимал.

Чэн Цзайе, держа его за плечи, невольно вспомнил день их встречи. Тогда Цзян Шоуянь сидел на песке, словно кот, примостившийся на балконе. О чём он думал в тот момент? Тело Чэн Цзайе начала бить неконтролируемая дрожь. Он приоткрыл рот, но не смог издать ни звука. Опустив ресницы, он выждал какое-то время, пока его кадык слегка подрагивал.

— Цзян Шоуянь, как ты пережил те несколько месяцев?

Как пережил? Цзян Шоуянь пусто моргнул. На самом деле он уже плохо помнил. В памяти осталось лишь то, как он открыл глаза и увидел лицо Ци Чжоу. В голове было совершенно пусто, он не понимал, что произошло. В ушах стоял непрерывный писк приборов. Цзян Шоуянь недовольно нахмурился, и Ци Чжоу протянул руку, чтобы снять с его пальца датчик пульсоксиметра.

Ци Чжоу ни о чём не спрашивал. Сказал лишь, что придётся ещё какое-то время провести в больнице под наблюдением, а затем пройти два-три курса баротерапии. Цзян Шоуянь не хотел ни лежать в больнице, ни дышать кислородом в барокамере. Он не видел в этом никакого смысла.

Ци Чжоу посмотрел на него своими чёрными как смоль глазами и спокойно произнёс:

— Цзян Шоуянь, я собственными руками вытащил тебя с того света.

Цзян Шоуянь опустил глаза и не смог выдавить из себя ни слова. Возможно, из-за того, что он только что постоял на пороге смерти, в тот период на душе у него было очень спокойно. Он

даже сдружился с соседом по барокамере, и они иногда вместе гуляли в небольшом саду под окнами больницы. Потом соседа выписали, а затем выписали и Цзян Шоуяня.

Но даже после выписки сеансы баротерапии не закончились. Ци Чжоу, до ужаса боясь, что друг превратится в идиота, заставил его посещать барокамеру положенные тридцать дней. За это время Цзян Шоуянь успел подать документы на визу, разобраться с похоронами бабушки и, отвезя урну с её прахом в родные края, захоронить на участке за горой. Этот участок пустовал со дня смерти его матери, а теперь там возвышались два могильных холмика.

В тот день, когда ему одобрили визу, наступил июнь. Цзян Шоуянь стоял у окна палаты, глядя на залитый солнцем больничный сад. Он снова попал в отделение неотложной помощи из-за внезапного обморока. После полного обследования врачи диагностировали только истощение.

Услышав шаги за спиной, Цзян Шоуянь обернулся, держа в руке стойку с капельницей. У Ци Чжоу сегодня был отгул. В последнее время Цзян Шоуянь привык видеть его исключительно в белом халате, поэтому сейчас, в футболке с коротким рукавом и брюках, он выглядел немного непривычно.

— Результаты уже пришли. Как только докапает, меня выпишут? — с привычным выражением лица спросил Цзян Шоуянь, качнув флакон.

Ци Чжоу посмотрел на его бледное, осунувшееся лицо, и у него внезапно возникла догадка. Нельзя было винить его в том, что он так поздно это заметил, — Цзян Шоуянь слишком хорошо умел скрывать. После той внезапной попытки отравиться угарным газом он больше не совершал никаких подозрительных поступков: послушно лежал в больнице, дышал кислородом, вернулся на работу, проработал какое-то время, подал заявление об увольнении и передал дела.

Возможно, ежедневные встречи и правда заставляют не замечать многих изменений во внешности. А может, из-за сильной занятости на работе или слишком тяжёлого психологического осадка Ци Чжоу просто не мог подолгу смотреть на Цзян Шоуяня. И только

сегодня он вдруг осознал, насколько тот похудел. Его спокойствие и упорядоченность в последнее время больше походили на предсмертное просветление и завершение земных дел.

— Ты... — Ци Чжоу, повидавший немало смертей, сейчас не мог заставить себя произнести это слово вслух, поэтому сказал уклончиво: — Отделение психологии в нашей больнице тоже очень хорошее.

На лице Цзян Шоуяня по-прежнему не дрогнул ни один мускул:

— Я не болен. — Словно зная, что именно хотел сказать Ци Чжоу, он с улыбкой добавил: — Я просто хочу умереть.

Глядя на его улыбку, Ци Чжоу покрылся холодным потом, хотя в помещении работал кондиционер. Он начал придумывать способы уговорить Цзян Шоуяня сходить к психиатру, но тот лишь твердил: «Я не болен». Его лицо оставалось спокойным, он как обычно выходил на улицу, как обычно ел — ни единого признака депрессивного поведения. Он вёл себя настолько нормально, что Ци Чжоу начал сомневаться в себе: а не причудилась ли ему та фраза? Может, он сам стал слишком мнительным? Ци Чжоу был почти спокоен — до тех пор, пока однажды не получил от Цзян Шоуяня фотографию авиабилета и очень длинное сообщение в WeChat.

У него перехватило дыхание. Он набрал номер, но автоответчик сообщил, что телефон абонента выключен. Плотно сжав губы, Ци Чжоу раз за разом перечитывал это сообщение. После больницы Цзян Шоуяню не стало лучше. Он вёл себя слишком тихо — настолько, что было очень легко не заметить, как он всё это время страдал. Ломался и вновь собирал себя по кусочкам, пока в конце концов не оказался заперт в траурной рамке долгой ночи, из которой уже не мог выбраться.

Почувствовав тёплое прикосновение пальцев к щеке, Цзян Шоуянь вынырнул из воспоминаний. Чэн Цзайе, глядя в его пустые, полные слёз глаза, тихо сказал:

— Давай уйдём отсюда, Цзян Шоуянь. Для начала снимем другое жильё.

Цзян Шоуянь не сразу понял, о чём речь, и довольно долго молчал, прежде чем с трудом выдать одно слово:

— Зачем?

— Потому что это место причиняет тебе боль, тебе здесь плохо и нужно сменить обстановку.

Цзян Шоуянь хотел спросить: «Разве это не побег? Я ведь с таким трудом решился вернуться». Но фраза была слишком длинной, а у него не хватало сил даже открыть рот. Чэн Цзайе, словно прочитав его мысли, мягко объяснил:

— Это не побег. Просто временная смена обстановки. Когда тебе станет лучше, когда ты будешь готов, мы вернёмся. — Чэн Цзайе взял руку Цзян Шоуяня и приложил к его груди: — Сначала ты должен стать собой и только потом думать обо всём остальном.

Цзян Шоуянь не совсем понял, что имеет в виду Чэн Цзайе, но в то же время почувствовал некое озарение. Ему показалось, что в его долгой ночи появилась крошечная брешь, и мягкий свет озарил его лицо.

Шторы в гостиной всё ещё были задернуты. Цзян Шоуянь, подтянув колени к себе и положив на них подбородок, наблюдал, как Чэн Цзайе несколько раз нажал на экран телефона, затем встал и сказал:

— Квартиру так быстро не снять, поэтому сначала поедem в отель.

Он заново собрал два чемодана, положив туда подходящую одежду, и, выкатив их в гостиную, спросил, нужно ли взять что-нибудь ещё.

Цзян Шоуянь качнул пальцем лампочку торшера у дивана. Бабочки на стене позади него затрепетали крыльями в тусклом жёлтом свете. Долгое время после возвращения на родину Цзян Шоуянь засыпал, глядя на эту стену с бабочками, и иногда в его снах появлялась озарённая солнцем улыбка Чэн Цзайе.

В этой комнате было слишком темно, и он немного боялся смотреть Чэн Цзайе в глаза. Цзян Шоуянь молчал, а Чэн Цзайе просто обнимал его и терпеливо ждал, пока не раздался дрожащий от слёз голос Цзян Шоуяня:

— Я ведь совсем никчёмный, да?

Чэн Цзайе потёрся щекой о его волосы и ответил:

— Ты просто заболел.

Отель, который забронировал Чэн Цзайе, находился и близко, и далеко одновременно. Близко — потому что до него было пять минут езды; далеко — потому что оттуда не было видно ни старого жилого комплекса Цзян Шоуяня, ни длинной реки за окном.

Они прожили в отеле три дня, после чего Чэн Цзайе перевёз его в новую съёмную квартиру. То ли из-за тревоги от смены обстановки, то ли от какого-то невыразимого чувства при виде того, как Чэн Цзайе хлопчет по хозяйству, Цзян Шоуяню, который сидел на подоконнике эркера, подстелив куртку Чэн Цзайе, вдруг стало немного грустно. Заправив кровать, Чэн Цзайе подошёл к нему, погладил по волосам и спросил:

— Что случилось?

— Ничего, — ответил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе коснулся его глаз:

— Цзян Шоуянь, не ври.

В то же мгновение слёзы Цзян Шоуяня смочили подушечки его пальцев. Затуманенным взглядом Цзян Шоуянь посмотрел на Чэн Цзайе и произнёс:

— Мне немного грустно.

Чэн Цзайе сел на край кровати и ответил:

— Плакать — нормально. Эмоции и не должны поддаваться контролю.

Цзян Шоуянь, склонив голову, долго смотрел на него. В тот момент, когда слёзы покатились по его щекам, он схватил Чэн Цзайе за воротник и поцеловал.

<http://bllate.org/book/14908/1644667>